

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 140—149.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 140—149.

Научная статья

УДК 930.1

DOI: 10.46726/И.2025.1.17

«ВРЕМЯ» И «ВОЛЯ» В ИСТОРИОСОФИИ Г.П. ФЕДОТОВА

Павел Анатольевич Домнинский

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия,
paweldomninski@gmail.com

Аннотация. В центре внимания представленной статьи оказывается творчество одного из значимых представителей первой волны русской эмиграции Георгия Петровича Федотова (1881—1951). В своих работах он часто обращается к тематике истории и сопутствующим ей вопросам, касающимся воли и исторического детерминизма. Несмотря на декларативную позицию Г.П. Федотова, заключающуюся в принятии свободы воли, и критику по отношению к историческому детерминизму, на деле элементы последнего все же в той или иной степени присутствуют в работах мыслителя, и хоть контрабандой, но все же являются неотъемлемой частью всей историософии. Исходя из вышеизложенного, в статье ставится задача выявить механизмы, которые позволяют сочетать выявленное противоречие. В первую очередь под исследовательский взгляд попадает категория времени. С ее помощью удастся развести историю как концепт и случай как со-бытие. Более того, это приводит и к побочному эффекту — разведению исторического нарратива и сферы социального, где второе приобретает некую автономию от первого в рамках все той же выстраиваемой Г.П. Федотовым философии истории.

Ключевые слова: Г.П. Федотов, философия истории, время, исторический детерминизм, воля

Для цитирования: Домнинский П.А. «Время» и «воля» в историософии Г.П. Федотова // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 140—149.

Введение. Одной из особенностей отечественной философской мысли является повышенный интерес к проблеме истории. Во многом это связано с историческим контекстом формирования национальной культуры. Находясь не просто зажатой между Востоком и Западом, а активно взаимодействуя с ним (причем это взаимодействие часто имело как характер сотрудничества, так и открытой вражды), российская мысль не оставалась изолированной и всегда — осознанно или нет — стремилась определить место России на общей карте геополитических координат. Переплетение и разнообразие подобного исторического опыта оставило большое наследие в интеллектуальной истории. Отсюда кажется небезынтересным обратиться к фигурам прошлого, особенно не столь далекого межвоенного периода (1918—1939).

В данном контексте весьма любопытно выглядит персона Георгия Петровича Федотова (1886—1951). Входя в плеяду представителей религиозного ренессанса, он часто оказывается в тени своих более именитых коллег по цеху. Подобное положение не является адекватным отображением творческого

наследия мыслителя, чей интеллектуальный вклад способен обогатить отечественную историко-философскую область научного знания. Несмотря на многие общие черты с другими представителями русской эмиграции социально-христианской направленности, творчество Г.П. Федотова, безусловно, обладает своей спецификой, которая и позволяет взглянуть на, казалось бы, уже ранее обозначенные проблемы с совершенно иного ракурса, в то же самое время оставаясь в рамках отечественной традиции.

Непосредственно в центре внимания оказывается философия истории, являющаяся чуть ли не главным лейтмотивом всей русской интеллектуальной мысли первой половины XX столетия. У самого Г.П. Федотова в этом контексте проблемной точкой является воля, место которой в его трудах однозначно не определено. Более того, возникает вопрос о наличии атрибутов исторического детерминизма и их сочетании с априорным положением о свободе человека. Естественным следствием этого в итоге может быть констатация выстраиваемой русским мыслителем своей системы компатибилизма, хоть и в имплицитной форме.

Первым шагом в данном направлении является обозначение места воли в рамках историософии Г.П. Федотова. В этом контексте стоит сказать о сюжете, связанном с методологической установкой русского мыслителя. В исследовательской литературе неоднократно подчеркивается просматриваемая тенденция в работах Г.П. Федотова к определенного рода организационным структурам, в том числе с использованием «бинарных оппозиций», свойственных структуралистам, на что весьма точно указал отечественный исследователь А.В. Антощенко [Антощенко: 11—12]. На смешение структурного и уникального указывалось и ранее в критической литературе (метод «насыщенного описания» [Раев: 165], «индивидуации культурно-исторических типов» [Иво-нина: 281]). В пользу этого говорит и четкое разграничение Г.П. Федотовым агиографии и агиологии, последняя из которых хоть и строится вокруг фигуры святого, но по своей сути связана с производством смыслов теоретического характера («агиографическое богословие») [Войтенко: 30]. Все эти положения в должной степени отражают существенную составляющую философской мысли Г.П. Федотова. Однако на этом фоне стоит обратить внимание и на другую сторону, где в центре оказывается личность вне рамок детерминистских структур.

Отталкиваясь от этого, становится весьма важно по возможности определить и развести концептуальный взгляд на историю теоретического характера и сферу социального, поскольку их смешение и отождествление есть не что иное, как вульгарное упрощение. Безусловно, нельзя говорить и о полном разрыве социального с историческим дискурсом, в первую очередь речь идет именно о сложном взаимодействии — пересечении, наложении, соприкосновении, а порой антагонизме и разрыве. Поиск этих запутанных связей и попадает в исследовательский фокус настоящей статьи.

К категории времени. Проблема истории всегда в той или иной мере наличествует в философских размышлениях Г.П. Федотова. Однако работ, в которых он обращается к данной теме напрямую, не столь много. Наряду с ними отдельного внимания заслуживают тексты, где данная проблематика, напротив, не фигурирует в качестве центральной. Это в первую очередь статьи, посвященные злободневным событиям в России и Европе — политического, социального и культурного характера. Несмотря на свою ситуационность, все эти публикации в той или иной степени связаны с исторической тематикой. Подобного рода двойственность в отношении к истории позволяет отметить следующие изначально не бросающиеся в глаза моменты: с одной

стороны, наличие некой раздробленности и фрагментарности представления об истории, с другой — параллельно и вне очевидной связи с предыдущим — это попытка концептуализации исторического нарратива. Следовательно, можно выдвинуть предположение о тотальности исторического дискурса и существовании определенной логики, обеспечивающей функционирование этого положения.

Прежде всего стоит обозначить некий исходный каркас философии истории, который эксплицитно представлен Г.П. Федотовым (преимущественно в работах европейского периода). В качестве основы служит разделение на два града — небесный и земной, непосредственно заимствованных у св. Августина. Это становится отправной точкой для введения двух реальностей — трансцендентной и имманентной. Первая из перечисленных в обозначенной паре имеет валюативную роль, по большому счету благодаря именно ей появляется сама возможность подлинного ценностно-нормативного осмысления действительности. Трансцендентное — точка, из которой выстраивается вся аксиологическая иерархия, в центре которой оказывается отношение Бога с человеком, который в итоге должен преодолеть свое грехопадение и вернуться в лоно Небесного Отца. Таким образом, на первый взгляд перед нами оказывается весьма типичная христианская модель истории. Однако особо пристальное внимание стоит обратить на материальное выражение этой метаисторической конструкции в объективированном мире, где центральное место занимает непосредственно человек.

Фундаментальной для имманентной реальности оказывается категория времени, что неизбежно тянет за собой сопутствующие проблемные точки — становление и конечность. Единичное материального бытия из-за своей ограниченности неспособно выразить «метаисторический замысел» во всей его полноте, вследствие чего объективированный мир оказывается в состоянии перманентного ускользания целостности. Впрочем, Г.П. Федотов не примиряется с обрисованным подобным положением реальности и развивает свою мысль в направлении преодоления утраченного единства мира силами человека непосредственно в рамках имманентной реальности. Отсюда и появление идеи о множестве культурных путей спасения, представленной в одной из ранних статей европейского периода «Национальное и вселенское» (1928).

В этом контексте нельзя обойти стороной программную работу «Эсхатология и культура» (1938). В ней Г.П. Федотов представляет объективированную реальность как пространство творческой деятельности человека, в котором и происходит рефлексия «абсолютного» [Мјог: 19]. Сама эта рефлексия осуществляется посредством деятельности множества единичностей, имеющих — как уже было отмечено выше — как ограниченный характер, связанный с их конечностью, так и момент становления. Непосредственно финальная точка эсхатологии представлена Г.П. Федотовым в виде совокупного и, что не менее важно, связанного между собой результата труда, олицетворением которого оказывается «Град» построенный людьми «в сотрудничестве всех поколений» [Федотов 7: 219]. Именно совместные усилия всего человечества должны лечь в основу преодоления той принципиальной неполноты и отсутствия целостности, свойственной объективированному миру. Отсюда вытекает и социальный характер общественно-политической мысли Г.П. Федотова, поскольку лишь через взаимодействие с «другим» возможно выйти за ограниченный характер единичности.

В этом отношении можно говорить о классическом для персонализма понимании личности, не замкнутой на самой себе. Как весьма точно отметил его соредактор по «Новому граду» Ф. Степун, «личность есть индивидуальность, раскрытая в другую индивидуальность. Личность есть “я”, начинающееся с “ты”, с обращения к Богу или к человеку, вернее к Богу и к человеку вместе, так как одно без другого невозможно» [Степун: 14]. Отсюда и неприемлемость только личного спасения. Подтверждение последнего можно увидеть во все той же статье «Эсхатология и культура», где отмечается проблемность «малой» эсхатологии (личной), за которой теряется «великая», и, как можно судить по расставленным акцентам, подлинная эсхатология (всего человечества) [Федотов 7: 218—219].

Вместе с тем, фундаментом связи с «другим» является не что иное, как творчество и труд. Однако это не тот деятельностный акт, который постулируется Н.А. Бердяевым, где результат оказывается вторичен, а, в сущности, и вовсе не имеет никакого значения: «Творчество для меня не столько оформление в конечном, в творческом продукте, сколько раскрытие бесконечного, полет в бесконечность, не объективация, а трансцендирование» [Бердяев 1991: 210]. Для культурной эсхатологии Г.П. Федотова, напротив, особое значение приобретают формы, поскольку через них оказывается возможным фундирование природы человека в «исторической ткани», а, следовательно, более полное раскрытие истины в лице разнообразных исторических отображений человека. Таким образом, именно в наполненности конкретного содержания, а не в голом акте подражания божественному становится возможным слом жестких законов необходимости материального мира и последующий за этим прорыв в вечность.

Время в такой перспективе оказывается основополагающей категорией. Более того, его особенностью является исторический характер, а значит, и такие атрибуты, как мессианизм и антропоцентризм [Бердяев 1995: 259]. Показательна в этом отношении выстраиваемая Г.П. Федотовым эсхатологическая перспектива, в которую и оказывается зашит мессианский мотив. Его роль весьма отчетливо видна в проблематике национального. Необходимо сразу отметить, что «мессианизм» Г.П. Федотова не был связан с классическими идеями об избранности и исключительности конкретных народов [Ивонина: 312—313]. Уже упомянутая выше концепция о множестве путей спасения заключалась как раз в наделении вообще всех этно-культурных обществ особой исторической миссией, а вместе с ней и субъективностью в рамках исторического процесса [Федотов 2: 119—120], благодаря чему через каждый народ, имеющий свои особые национальные черты, раскрываются различные части бытия. Следовательно, лишь совокупность этого многообразия способна в наиболее полном объеме представить истину.

Касательно антропоцентризма стоит отметить одну особенность. Сложно найти работу, где Г.П. Федотов обращался бы к нему напрямую. Наиболее полно антропоцентризм оказывается представлен через критику секуляризованного мира. В частности, внимание мыслителя привлекают две области — искусство и наука. Показательной здесь является публикация в Вестнике РСХД «О христианском гуманизме» (1932). В ней всплывает примечательный сюжет, связанный с написанием портрета в современной Г.П. Федотову живописи. Лицо человека, как отмечает он, не имеет качественного отличия от остальных объектов изображения — сапог и кусков мяса [Федотов 4: 236]. Последствие этого есть не просто демонтаж портретной живописи как жанра, а нечто большее — дегуманизация самого человека, сведение его жизни к предметному

существованию. Ту же логику можно увидеть и в публикации «Борьба за искусство» (1935). Рассуждая об импрессионизме, Г.П. Федотов отмечает, что опора на чувственность в этом жанре возводится в абсолют, что ведет к фрагментарному пониманию человеческой природы как таковой. Выделение чувств в отдельное понятие приводит личность к потере присущей ей до этого целостности [Федотов 6: 276]. То же самое можно увидеть в работах, где в той или иной степени представлена критика науки и самого Просвещения в целом. Подобного рода процессы секуляризации быют в самый центр структурообразующего узла истории — личность.

Отдельно стоит упомянуть природное. Органическая жизнь представлена Г.П. Федотовым как нечто статичное, лежащее вне времени, а значит, и вне истории. Тем не менее, в работах мыслителя модели описания естественных процессов довольно часто имеют свое приложение к общественным явлениям и непосредственно к самому человеку. В то же время это не должно вводить в заблуждение, поскольку подобные стилистические приемы нагружены рядом специфических характеристик, которые все же оставляют их носителей в рамках социальной реальности. Как правило, подобного рода метафоры — это всегда разговор о разрушении и уничтожении фундаментального порядка вещей. В случае подлинной биологической природы (пчелы, муравьи и т. п.) аналогичного негативного эффекта не наблюдается вовсе [Там же 9: 97].

Невольно напрашивается параллель с противопоставлением варвара и дикаря, отмеченная Фуко в одном его лекционном курсе, прочитанном в Коллеж де Франс*. Суть этой оппозиции заключается в том, что варвар, как и охваченный природным порывом человек у Г.П. Федотова, есть не кто иной, как носитель господства, а его «органическая» стихия — это постоянная война с цивилизацией [Фуко: 209]. Не имеет значения, в какой форме это выражается — бунт черни, разбой или неограниченная власть тирана — везде на первое место встает принцип экспансии лишь своей свободы и своей власти. Ключевым моментом оказывается то, что в отличие от дикаря, варвар всегда связан с историей, являясь в какой-то мере результатом культурного производства. Неудивительно то, что носители подобного квазиприродного описания в работах русского мыслителя становятся одними из творцов исторического прогресса, хоть и внося в это движение негативный элемент.

Как видно, сам поворот к органической жизни оказывается сугубо социальным актом, непосредственно связанным с историей как таковой. Однако проблема заключается в том, что категория времени в таком ее формате ставит вопрос о сочетании двух разнонаправленных процессов — детерминации и свободы воли. Несмотря на то, что исторические формы непременно привносят в объективированную реальность причинно-следственный элемент, а, следовательно, необходимость, сама культурная эсхатология Г.П. Федотова с рядом оговорок, напротив, делает ставку на свободно творящего человека. Только личность, становясь смысловым узлом исторического процесса, может обеспечить свое спасение. Никакие силы детерминированного мира и даже непосредственно Бог не могут преодолеть греховного состояния человека: «Если человек волею избирает ад, не будет ли для него адом самое небо?» [Федотов 7: 227].

Показать разрешение обозначенного столкновения причинности и свободы возможно через разведение истории как концептуальной модели и социального как базового, что хоть и связано с историческим, но в то же время

* Речь идет о лекции от 3 марта 1976 г. из курса «Нужно защищать общество».

обладает собственной автономией и проблематикой. В этом может помочь рамка двух оппозиционных пар — истории и случая, времени и вечности [Комаров: 108].

Современное и история. Первое, о чем необходимо сказать, — это тот факт, что несмотря на все сопутствующие контексты, а, возможно, в том числе и благодаря им, время представлено двояко. С одной стороны, оно имеет некую протяженность и статичность, атрибуты которой формируют концептуальную модель исторического процесса, в рамках которой раскрывается мета-историческое. Прежде всего, подобная форма представления времени всегда ретроспективна и строится в рамках линейного процесса причинно-следственных связей, свойственных историческому детерминизму, против которого всегда выступал Г.П. Федотов. С другой стороны, при более близком приближении обнаруживается еще одна, не сразу заметная черта — дискретность. Проявляется она в определенной автономности темпоральных единичных событий, хоть и связанных единой линией, но безусловно обладающих своим самобытным содержанием и расширенным контекстом. Оттеняя протяженность, свойственную концептуальной модели истории, именно единичность выражает момент становления, точку волевого действия, являющуюся одной из двух, наравне с разумом, чертой человеческой природы [Малинов: 60].

Как результат, мы обнаруживаем в философских построениях Г.П. Федотова онтологическое разделение свободы на формальную и волюнтаристскую. Наибольший интерес, прежде всего, представляет последняя из вышеприведенных, поскольку сам мыслитель резко дистанцируется от нее, декларативно отдавая предпочтение формальной свободе. Безусловно, причина подобного неприятия понятна и заключается она в выстраиваемой Г.П. Федотовым культурной эсхатологии. В одной из своих статей позднего периода творчества он отмечает, что свобода есть «поздний и тонкий цветок культуры» [Федотов 9: 97]. Проявляется она в ходе исторического процесса, причем формы ее имеют институциональный характер. Общей здесь оказывается суть, заключающаяся в постулировании свободы, которую можно обозначить как негативную (свобода от).

В начале 1930-х годов Г.П. Федотов пишет следующее: «свобода может и должна ограничить некоторые свои обнаружения: вовне, в быту, в жизненно-хозяйственном порядке. Во имя чего? Во имя уважения к свободе других людей...» [Федотов 5: 219]. В этом он однозначно сближается с Н.А. Бердяевым, который также провозгласил на страницах «Нового Града» один из ключевых критериев истинной свободы — «свободу для другого и для других» [Бердяев 1931: 62]. Однако за этим патетическим слогом скрывается весьма важная деталь. Подобная жесткая оппозиция «свободы» и «воли» в большей степени отражает не языковую ситуацию или социальную реальность, а представляет один из элементов концептуализации истории [Киришбаум: 71]. Так, сущностным атрибутом этой формальной свободы оказывается становление с присутствующим ему деятельностным корнем. Всякий раз, когда речь заходит о волевом начале, Г.П. Федотов непреклонен: всякое попрание и умаление воли ведет однозначно к атонии и последующей смерти [Федотов 4: 120].

Именно волевому акту отводится фундаментальная роль. Под впечатлением от конфликта в Свято-Сергиевском богословском институте Г.П. Федотов печатает, на первый взгляд, свою не самую заметную публикацию «В защиту этики» (1940). Однако любопытен в первую очередь не сам вопрос этики, а момент ее проявления в жизни, где волевое действие и играет важную роль: «Акт лежит посередине между внутренним и чисто внешним и является

настоящей связью между двумя мирами, или исходом личности в мире. Это ее воплощение или (?) объективация» [Федотов 2: 325].

Непосредственная реализация воли оказывается точкой выражения внутренней сущности человека, которая имеет не только природную, но и божественную составляющую. Следовательно, лишь с творческого акта личности и начинается любая возможная реализация чего бы то ни было в объективированном мире, в том числе и становление концептуальной модели истории с заложенным в ней метаисторическим замыслом. Отсюда и трудовая направленность выстраиваемых Г.П. Федотовым социально-политических моделей, суть которых сводится к корпоративной (профессиональной) социал-демократии [Федотов 5: 234—235].

Выход за рамки исторического нарратива в момент волевого действия хорошо заметен по использованию Г.П. Федотовым анахронизма, нарушающего линейную хронологию. Здесь стоит обратиться к отрывку из публикации «Россия Ключевского» (1931), впервые напечатанной в «Современных записках»: «XVII век действительно не умирал в России совершенно. Оттиснутый вниз петровской дворянской культурой, он доживает, в полной моральной силе и здоровье, в крестьянстве, купечестве и духовенстве, особенно сельском, из которого вышел Ключевский. Лесков — бытописатель XVII века в XIX» [Федотов 4: 171]. На этом примере, во-первых, видно одновременное существование двух разных хронологических периодов, во-вторых, что более существенно, отсутствие какой-либо иерархической зависимости между двумя представленными культурными напластованиями. Более того, совершенно нет какой бы то ни было органической метафоры, привязывающей эти «хронологические» периоды к стадияльному паттерну.

Порой наличие тех или иных элементов может присутствовать и вовсе в различных темпоральных единичностях автономно от изначального временного периода их становления, на что в том числе указывала исследователь русской философии Л.А. Гаман, говоря о совмещении «культурно-исторических напластований» в «самых неожиданных комбинациях», актуализация которых происходит в настоящем [Гаман: 160]. Ярким примером может служить национальный тип русского человека, состоящий из совмещения архетипов различных эпох, где на первое место выдвигаются, казалось бы, изначально совершенно реакционные черты. В работе «Письма о русской культуре» можно найти следующие слова: «Москвичу, благополучно отсидевшемуся в русской деревне от двухвековой имперской культуры, не нужно делать над собой никакого нравственного насилия, чтобы идти в ногу с европейцами» [Федотов 6: 376]. Как видно из вышеприведенного отрывка, «московский тип», зародившийся в период Московского царства, смог пережить более поздний культурный пласт «русского европейца-просветителя», появившийся лишь только как результат кардинальных реформ Петра Великого. Более того, он не только сумел пережить плоды русского Просвещения, а и вовсе показал стремительный рост своих жизненных сил и энергии, что непременно нашло отклик в набирающем обороты XX веке.

Ко всему прочему, весьма существенно и наличие во многих работах таких понятий, как «эпоха», «дух времени», которые позволяют говорить о формировании области современного. Последняя, в свою очередь, как раз образует пространство темпоральной негомогенности, где и реализуется волевой акт. Возможным же это становится лишь благодаря расширению «текущего сейчас». В результате в центре становления оказывается фигура «другого»,

поскольку всякое творческое действие происходит лишь в со-бытии. Отсюда и резкое неприятие эгоцентризма, замыкающего человека на самом себе, разрывая всякие попытки обратиться вовне. Подлинное становление личности происходит лишь благодаря паре «ты» и «мы», через которую формируется уникальная субъективность «я».

Стремление преодолеть отчуждение людей друг от друга, на первый взгляд, сближает Г.П. Федотова с экзистенциалистами, однако для них «ты» — это всегда другая реальность, что, как указывал Э. Мунье, непременно ведет к абсолютной интериорности [Вдовина: 92]. Подобное, безусловно, оказывается неприемлемо. Подтверждением этого служит не только обозначенное выше неприятие эгоцентризма, но и приверженность Г.П. Федотова идее соборности [Федотов 5: 246—247]. Таким образом, совместное бытие есть единое пространство реальности, которое и совпадает с расширенным «сейчас». Включенность множества единичностей в единое, соответственно, оказывается тем многоголосым хором, который войдет в Царство Божие [Федотов 2: 119—120]. Со-бытие в этом контексте приобретает не инструментальную (организационную) функцию, а становится ценностью, связанной с общей иерархией, которая имеет в центре абсолютную ценность — Бога.

Как раз в этом радикальном расширении и включении прочих множественных единичностей происходит преодоление конечности и неполноты объективированного мира, хоть и только в моменте становления, за которым непременно идет «потом». К тому же сама актуализация нового в определенной мере оказывается уходом от абстракции к конкретности, которая, в свою очередь, способна приблизить человека к истине [Лагурев: 29]. Безусловно, волевой акт не панацея, и к тому же сам факт признания человека свободным делает возможным провал в перспективе истории. Тем не менее, негативные последствия могут трактоваться как реакция на отклонение от верного пути, что безусловно соответствует духу П. Тиллиха, к которому в той или иной степени был идеологически близок Г.П. Федотов [Фотиева: 188].

Заключение. Остается открытым вопрос непосредственно о субъектах всего этого процесса — как самой истории, так и момента ее становления. Однако можно сказать точно, что универсальных единиц здесь оказывается две: личность во всей ее сложности взаимоотношения с «другим» и народ, понимаемый как соборная личность. Оба этих смысловых узла имеют ключевое значение в разворачивании вечности в истории, а следовательно, и всей «рамочной» конструкции философии Г.П. Федотова.

Однако уже сейчас можно однозначно отметить демаркационную линию, проходящую через все творческое наследие Г.П. Федотова, которая лежит в рамках большого дискурса об истории. Основой этого деления становятся атрибуты категории времени. Протяженность и статичность оказываются фундирующими принципами концептуального подхода к истории. Отсюда берется фокус на систематичность, выстраиваемую в первую очередь в формате причинно-следственной хронологической связи, а также локальных парадигм, обусловленных хоть и внутренним, но все же детерминизмом. Последние оказываются как раз-таки на границе с субъективным, где категория времени выступает как дискретность в контексте становления «здесь и сейчас». Выход на первый план субъекта становится возможным в «социальной ситуации» совместного бытия, когда сопрягается несколько точек, главной из которых становится реализация воли конкретной единичности. И хотя по-прежнему стоит быть осторожным в утверждении о жестком разграничении, поскольку что волевое «сейчас»,

что рационализированное и объективированное «потом» связаны с единым телом времени; все же можно принять положение о наличии определенной степени автономии социального бытия в его практическом, персонифицированном выражении с его отдельным рядом смыслов в философском наследии Г.П. Федотова.

Список источников

- Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991. 446 с.
 Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики // Бердяев Н.А. Царство духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. 383 с.
 Бердяев Н.А. Парадоксы свободы в социальной жизни // Новый Град. 1931. № 1. С. 59—66.
 Степун Ф.А. О свободе // Новый Град. 1938. № 13. С. 11—45.
 Федотов Г.П. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Мартис, Sam & Sam, 1996—2014.

Список литературы / References

- Антощенко А.В. «Византизм» в интерпретации Г.П. Федотова // Вестник славянских культур. 2017. Т. 44. С. 7—20.
 (Antoshchenko A.V. George Fedotov's interpretation of the concept "Byzantinism, *Bulletin of Slavic Cultures*, 2017, vol. 44, pp. 7—20. — In Russ.)
 Вдовина И.С. Французский персонализм (1932—1982): учеб., пособие для филос. фак. ун-тов. М.: Высшая школа, 1990. 151 с.
 (Vdovina I.S. French personalism (1932—1982): A textbook for university philosophy departments, Moscow, 1990, 151 p. — In Russ.)
 Войтенко А.А. Курс по агиологии Г.П. Федотова в Богословском институте в Париже. Новые данные // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2016. Вып. 4 (49). С. 24—35.
 (Voytenko A.A. The course of lectures on hagiology by Georgy Fedotov at the Theological Institute in Paris. New evidence, *St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*, 2016, no. 4 (49), pp. 24—35. — In Russ.)
 Гаман Л.А. Историко-теоретические представления Г.П. Федотова // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 156—162.
 (Gaman L.A. Historic and theoretical ideas of G.P. Fedotov, *Tomsk State University Journal*, 2007, no. 294, pp. 156—162. — In Russ.)
 Ивонина О.И. Время свободы. Проблема направленности истории в христианской исторической мысли России XIX — середины XX вв. Новосибирск: НГПУ, 2000. 442 с.
 (Ivonina O.I. A time of freedom. The problem of the orientation of history in the Christian historical thought of Russia in the 19th—mid-20th centuries, Novosibirsk, 2000, 442 p. — In Russ.)
 Киршбаум С.В. О границах свободы // Этическая мысль. 2017. Т. 17, № 1. С. 70—79.
 (Kirshbaum S.V. On the Limits of Freedom, *Ethical Thought*, 2017, vol. 17, no. 1, pp. 70—79. — In Russ.)
 Комаров С.В. Стратегии борьбы со временем: событийность и история // Вестник РХГА. 2015. Т. 16, вып. 1. С. 107—120.
 (Komarov S.V. The strategies of Fight with time: eventness and history, *RCAH Review*, 2015, vol. 16, no. 1, pp. 107—120. — In Russ.)
 Лагуев А.С. Историческая трагедия и вопросы морали: Михаил Лифшиц о добре и зле // Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии. 2023. № 2. С. 24—32.
 (Lagurev A.S. Historical tragedy and questions of morality: Mikhail Lifschitz on good and evil, *Philosophical Polylogue: Journal of the International Center for the Study of Russian Philosophy*, 2023, no. 2, pp. 24—32. — In Russ.)
 Малинов А.В. Очерки по философии истории в России: в 2 т. Т. 1. СПб.: Интерсоцис, 2013. 494 с.
 (Malinov A.V. Essays on the philosophy of history in Russia: in 2 vols., vol. 1, St. Petersburg, 2013, 494 p. — In Russ.)

- Раев М. Россия за рубежом: История культуры эмиграции. 1919—1939 / предисл. О. Казниной. М.: Прогресс-Академия, 1994. 296 с.
(Raev M. Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration. 1919—1939, Moscow, 1994, 296 p. — In Russ.)
- Фотиева И.В. Пауль Тиллих: профанное и священное в культуре // Вестник РХГА. 2022. Т. 23, вып. 3, ч. 1. С. 182—190.
(Fotieva I.V. Paul Tillich: the profane and sacred in culture, *RCAH Review*, 2022, vol. 23, no. 3, pt. 1, pp. 182—190. — In Russ.)
- Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975—1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
(Foucault M. Society must be defended: lectures at the Collège de France, 1975—76, St. Petersburg, 2005, 312 p. — In Russ.)
- Mjør K.J. Georgii Fedotov as a Theologian of Culture // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26, № 1. С. 15—29.
(Mjør K.J. Georgii Fedotov as a Theologian of Culture, *RUDN Journal of Philosophy*, 2022, vol. 26, no. 1, pp. 15—29. — In Eng.)

“TIME” AND “WILL” IN GEORGY FEDOTOV’S HISTORIOSOPHICAL SYSTEM

Pavel A. Domninskii

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation,
paweldomninski@gmail.com

Abstract. The focus of the article is on the work of one of the most significant thinkers of the first wave of Russian emigration, Georgy Petrovich Fedotov (1881—1951). In his essays he often writes about history and related issues like will and historical determinism. Despite G.P. Fedotov’s position of accepting free will and criticism of historical determinism, in fact, elements of determinism are present in the thinker’s works and are an integral part of all historiosophy. Based on the above, the article aims to identify mechanisms that allow combining the identified contradiction. The category of time is the first to become the centre of the research focus. With its help, it is possible to separate history as a concept and an event as a co-existence. Moreover, this leads to the separation of the historical narrative and the field of social activity. The last one acquires autonomy from the conceptual history within the framework of the historiosophy developed by G.P. Fedotov.

Keywords: G.P. Fedotov, philosophy of history, time, historical determinism, will

For citation: Domninskii P.A. “Time” and “will” in Georgy Fedotov’s historiosophical system, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 140—149.

Статья поступила в редакцию 17.09.2024; одобрена после рецензирования 10.12.2024; принята к публикации 13.01.2025.

The article was submitted 17.09.2024; approved after reviewing 10.12.2024; accepted for publication 13.01.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Домнинский Павел Анатольевич — аспирант, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, paweldomninski@gmail.com

Domninskii Pavel Anatolievich — Postgraduate student, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, paweldomninski@gmail.com